

ПЕРЕХОД ДЕКАБРИСТОВ ИЗ ЧИТЫ В ПЕТРОВСКИЙ ЗАВОД.

Дневник барона В. И. Штейнгейля.

7. VIII — 1830 г. — 23. IX.

29-го августа 1826 г. прибыла в Нерчинские заводы первая партия осужденных Верховным Уголовным Судом, — и с этого дня началось для декабристов отбывание каторги; переход в Читу и помещение в Читинском остроге стали для них вторым этапом пребывания в Сибири, когда, мало-по-малу, население острога постепенно увеличивалось приездом новых и новых товарищей, отбывавших наложенное на них приговором наказание в разных крепостях — в Петропавловской и Шлиссельбургской, в Роченсальмской и Свартгольмской и других. Уже истекал четвертый долгий год пребывания первых ссыльных в Сибирской каторге и приближалось начало пятого года, — когда семье декабристов, летом 1830 г., сделалось известно, что в недалеком будущем их переведут в новую, специально для них построенную каторжную тюрьму в Петровском заводе, к югу от Читы, — перевезут несмотря на то, что тюрьма или, как называли ее, каземат далеко не был к тому времени закончен: он не был еще ни обшит снаружи, ни оштукатурен внутри... Известие о переселении огорчило каторжан: они уже привыкли к месту своего поселения, а «необходимость смягчила многие суровые условия содержания». Женатые построили себе дома и, постепенно улучшая их, сделали уже вполне удобными для житья и, кроме того, обзавелись хозяйством. По словам декабриста Д. И. Завалишина, «не только дамы не имели уже надобности ходить в каземат на свидание или мерзнуть у частокола, но и мужья их постоянно уже жили в своих домах, чрез что и в казематах стало несравненно просторнее, независимо от большого числа казематов и частных домиков, построенных внутри

оград при них, владельцы которых также постоянно уже в них жили. Жизнь, вздорожавшая было с начала нашего прибытия, сделалась потом очень дешева и изобильна, так что в Чите можно было достать всё, и в этом отношении она стояла выше многих провинциальных городов. Года нашего пребывания в Чите были необычайно благоприятные по урожаю и теплоту времени... Все это, вместе взятое, не располагало декабристов к переходу на новое место каторги, — тем более, что «известное уже положение и сделавшееся уже сносным и по действительному его улучшению, и по привычке к нему», они меняли «на неизвестное, которое притом, во всяком случае, должно было быть гораздо хуже. Мы знали уже», пишет Д. И. Завалишин: «что Петровский завод — место вообще невыгодное, и что каземат расположен на болоте и дурно построен, — вследствие воровства инженеров. К тому же не было уже тайною для нас и то, что в комнатах, назначенных для нас, нет окон. К довершению невыгоды, и время отправления подошло под осень; начались уже осенние дожди, а как переход был расписан на основании военных маршрутов, то и должен был он продолжаться полтора месяца. Все это с бесконечными хлопотами сборов, укладывания, отправления наперед обозов и всяческой, неизбежной в таких случаях суеты, порождало общее дурное настроение» ¹⁾. Этому мрачному настроению содействовало, конечно, еще и то, что перевод в новую тюрьму окончательно разрушал те иллюзии насчет общей амнистии или, по крайней мере, сокращения сроков наказания, которые крепко держались среди декабристов, будучи поддерживаемы и их родными, и самим правительством, пускавшим соответствующие слухи как для успокоения общественного мнения, не перестававшего волноваться жестокостью кары, так и для удержания в спокойствии самих сосланных ²⁾.

Таким образом момент в жизни каторжан и их семейств был важный, переломный... Немудрено, поэтому, что в письмах своих к родным, равно как и в позднейших своих записках и воспоминаниях и сами декабристы, и их жены отвели не мало места описанию своего перехода из Читинского острога в каземат

¹⁾ Записки, т. II, Мюнхен. 1904, стр. 130 — 132.

²⁾ См. там же, стр. 142 — 143.

Петровского завода. Укажем, например, более или менее подробные рассказы А. Е. Розена (Записки, изд. 1907, стр. 161—171), А. П. Беляева (Воспоминания, изд. 1882, стр. 233—238), Н. В. Басаргина (Записки, изд. 1917, стр. 123—136), М. А. Бестужева (Воспоминания, изд. 1917, стр. 202—204, 214—215, 273), П. Е. Анненковой (Записки, изд. «Прометей», стр. 145—148), княгини М. Н. Волконской (Записки, изд. 1914, стр. 92, 94—95), уже цитированного Д. И. Завалишина (Записки, изд. Мюнхен, 1904, т. II, стр. 145—152), Н. И. Лорера (Записки — «Русск. Бог.» 1904 г., № 7, стр. 31—35), И. Д. Якушкина (Записки, изд. 1905, стр. 168—172 ¹). Некоторые из названных мемуаристов описали путешествие в таких живых и поэтических красках, что трудно удержаться, чтобы не привести здесь хотя одного из них, а именно, — принадлежащего перу талантливого Басаргина. Вот, что он пишет:

«Поход наш в Петровский завод, продолжавшийся слишком месяц в самую прекрасную осеннюю погоду, был для нас скорее приятною прогулкою, нежели утомительным путешествием. Я и теперь вспоминаю о нем с удовольствием. Мы сами помирали со смеху, глядя на костюмы наши и на наше комическое шествие. Оно открывалось почти всегда Завалишиным в круглой шляпе с величайшими полями и в каком-то платье черного цвета своего собственного изобретения, похожем на квакерский кафтан. Будучи маленького роста, он держал в одной руке палку гораздо выше себя, а в другой — книгу, которую читал. За ним Якушкин в курточке à l'enfant, Волконский в женской кацавейке; некоторые в долгополых пономарских сюртуках, другие в испанских мантиях, иные в блузах; одним словом, такое разнообразие комического, что если бы мы встретили какого-нибудь европейца, выехавшего только-что из столицы, то он непременно подумал бы, что тут есть большое заведение для сумасшедших и их вывели гулять. Выходя с места очень рано, часа в три утра, мы к восьми или девяти часам оканчивали переход наш и располагались на отдых. Останавливались не в деревнях, которых по бурятской степи очень мало, а в поле, где заранее приготовлялись юрты.

¹) См. еще письмо А. Е. Розена с описанием похода в «Русск. Стар.» 1903 г., № 3, стр. 547—548.

«Место выбирали около речки или источника на лугу и всегда почти с живописными окрестностями и местоположением. В Восточной Сибири и особенно за Байкалом природа так великолепна и так изумительно красива, так богата флорой и приятными для глаз ландшафтами, что бывало невольно с восторженным удивлением простоишь несколько времени, глядя на окружающие предметы и окрестности... Воздух же так благовонен и так напитан ароматами душистых трав и цветов, что, дыша им, чувствуешь какое-то особое наслаждение. При каждой партии находился избранный нами из товарищей хозяин, который отправлялся обыкновенно с служителями вперед на место отдыха и к приходу партии приготавливал самовары и обед. По прибытии на место мы выбирали себе юрты и располагались в них, по четыре или пять человек в каждой. Употребив с полчаса времени на приведение в порядок необходимых вещей и постелей наших, садились или, лучше сказать, ложились пить чай и беседовали таким образом до самого обеда. Ивашев, Муханов, двое братьев Беляевых и я располагались всегда вместе, в одной юрте. К нам обыкновенно собирались многие товарищи из других юрт. Один из пятерых обыкновенно дежурил по-очереди, т.-е. разливал чай, приносил обед, приготавливал и убирал посуду. После обеда часа два-три отдыхали, а с уменьшением жара выходили гулять и любоваться местоположением. Потом пили чай, купались и опять беседовали до вечера.

«Вечером маленький лагерь наш представлял прекрасную для глаз картину, достойную кисти художника-живописца. Вокруг становилась цепь часовых, которые беспрестанно перекликались между собой; в разных местах зажигались костры дров, около которых сидели в разнообразных положениях проводники наши — буряты, между которыми были и женщины, с своими азиатскими лицами и странными костюмами. В юртах наших светились огни, а в открытый вход их видна была вся внутренность и всё то, что происходило в каждой из них. Почти всегда в это время большая часть из нас ходили кучками внутри цепи, около костров, толковали с бурятами и между собой. Вид всего этого был бесподобный, и я часто проводил целые часы, сидя на каком-нибудь пне и восхищаясь окружающею меня карти-

ной. Особенно приятен для нас был день отдыха. Тогда мы оставались на одном месте почти два дня и, следовательно, имели время и хорошенько отдохнуть, и надюбоваться природой, и побеседовать между собой. Лишь только начинало светать, нас обыкновенно будили, и в полчаса мы были уже готовы к походу. Пройдя верст 12 или 15, мы на час останавливались у какого-нибудь источника и завтракали. Рюмка водки, кусок холодной телятины или жареной курицы всегда был в запасе у кого-либо из женатых и радушно предлагался всем. Во время похода многие отходили на некоторое расстояние в стороны и занимались ботаническим исследованием тамошней флоры или сбором коллекции насекомых. Последним предметом любили заниматься братья Борисовы. Они составили за Байкалом и в Сибири огромную и очень любопытную коллекцию насекомых, которую послали, кажется, знаменитому Московскому профессору Фишеру. Ботаником нашим был Якушкин»¹⁾.

Очень живописно и описание перехода, сделанное пламенным романтиком Н. И. Лорером. Но если одни декабристы не пожалели красок для рассказа, — другие ограничивались лишь самым кратким очерком этого памятного перехода; едва-ли не самым из них скупым на подробности оказался декабрист барон Владимир Иванович Штейнгейль (род. 1783 г., ум. 20-го сентября 1862 г.), один из старших по возрасту среди своих сотоварищей²⁾; он в известных Записках своих выразился об этом переходе в таких кратких словах: «В 1830 году перешли пешком 600 верст в Петровский Завод и помещены в потемки вновь выстроенного для нас каземата. Лепарский исходатайствовал тотчас свет: прорубили окна. Здесь составили свои правила и жили, как в монастыре, занимаясь науками»³⁾. Эту лапидарную запись Штейнгейля мы можем теперь заменить его же живым рассказом, составленным в виде дневника перехода из Читы в Петровский Завод; начинаясь с самого дня выступления в «поход» первой партии декабристов—7-го августа 1830 г.,—дневник этот

¹⁾ Записки, изд. 1917 г., стр. 130—133.

²⁾ Ему в то время было уже 47 лет, тогда как большинство друзей его было лет на 10 его моложе.

³⁾ Сборник «Общественные движения в России», т. I, 1905, стр. 418.

оканчивается на дне прихода в Петровский Завод 23-го сентября; он дает вполне отчетливое и точное поденное описание всего, единственного в своем роде путешествия, сообщая много любопытных деталей, естественно пропущенных декабристами-мемуаристами в их Записках, писанных много лет спустя после памятного перехода. Имея склонность к литературным занятиям, обладая вполне литературным языком, будучи человеком хорошо образованным, Штейнгейль сумел, — повидимому, без намерения, — придать своему дневнику некоторый поэтический налет, некоторый романтический оттенок. Его записи кратки, но содержательны, выражения просты, но яркие. Перед нами встает, как живая, картина длинного, многолюдного, оживленного и кипучего каравана переселенцев, состоящего из людей, тесно сплоченных, дружных, любезных и веселых, доброжелательных друг к другу, объединенных общностью судьбы. Мы иллюстрируем рассказ Штейнгейля воспроизведением рисунка одного из участников путешествия ¹⁾ и отсылаем затем читателя к самому дневнику ²⁾, который, не сомневаемся, прочтется и прочувствуется с удовольствием всяким, кто любит и ценит декабристов и кому дорог и близок их труд, подъятый на завоевание свободы себе и народу.

Б. Модзалевский.

Д Н Е В Н И К Ъ

достопамятнаго нашего путешествія изъ Читы въ Петровскій заводъ 1830 года.

Ч и т а. По предварительному распоряженію, мы расписаны были на двѣ партіи, изъ коихъ первая должна была идти подъ начальствомъ плацъ-маіора ³⁾, а вторая — съ самимъ комендантомъ ⁴⁾. На каждыхъ двухъ назначалась одна конная подвода для

¹⁾ Виды во время пути зарисовывал, между прочим, В. П. Киреев (Записки Басаргина, стр. 273).

²⁾ Мы печатаем его по списку, сохранившемуся в бумагах М. И. Семева, хранящихся ныне в Пушкинском Доме при Российской Академии Наук.

³⁾ Осипа Адамовича Лепарского.

⁴⁾ Станиславом Романовичем Лепарским.

поклажи скарба; подъ предлогомъ хворости, ранъ и проч., имущимъ разрѣшено имѣть свои повозки. И такъ — августа 7-го числа, поутру, въ ненастную довольно погоду, выступила первая партія. Суетливость Куломзина ¹⁾ и громко изъясненное неудовольствие Волконского ²⁾ на то, что его разлучили съ женою ³⁾, а Муравьевъ ⁴⁾ еще у жены, обратили общее вниманіе:

Остальные изъ другихъ казематовъ перебрались къ намъ. Завалишины ⁵⁾ помѣстились въ мое сосѣдство. Я перешелъ въ 5-й №.

8-го числа. Послѣ обѣда я былъ у Марии Ник[олаевны] Волконской. По ея настоянію распространилъ письмо мое къ Полинѣ ⁶⁾, при которомъ отправлялся портретъ. Вообще, я былъ восхищенъ ея ласкою и либерализмомъ.

9-го поутру, въ 9 часу, выступили и мы — тихо и въ стройномъ порядкѣ, ибо нашъ плацъ-адъютантъ Розенбергъ потолковитѣе Куломзина. Вводъ солдатъ въ авангардъ, другой въ арьергардъ, конвойные по сторонамъ, — всѣ съ примкнутыми штыками, и сверхъ того нѣсколько конныхъ казаковъ съ пиками; мы въ срединѣ, около своихъ воевъ. Народъ толпился около воротъ. Служившіе у насъ прощались и плакали, особенно добрый Васька, мальчикъ Нарышкина ⁷⁾.

Не смотря на дождикъ и грязь, почти всѣ шли пѣшкомъ. Я предположилъ выпить чашу, не проронивъ ни капли.

Комендантъ насъ перегналъ, чтобы переправить чрезъ р. Читу, до коей 4 версты. На перевозѣ увидѣли, что Марія Николаевна

¹⁾ Племянникъ С. Р. Лепарского, плац-адъютантъ П. А. Куломзин, по опредѣленію М. А. Бестужева, — «глупецъ и пьяница».

²⁾ Декабриста Сергея Григорьевича Волконского.

³⁾ Княгиня Марія Николаевна Волконская, рожд. Раевская, была тогда «на сносяхъ» и должна была остаться в Читѣ до выхода второй партіи.

⁴⁾ Никита Михайловичъ Муравьевъ, декабрист, и его жена Александра Григорьевна, рожд. графиня Чернышева, умершая в 1832 г.

⁵⁾ Дмитрий Иринарховичъ и его братъ (провокаторъ) Ипполитъ Иринарховичъ Завалишины.

⁶⁾ Жена В. И. Штейнгеля — Пелагея Петровна, рожд. Вонифатьева дочь Директора Кяхтинской Таможни.

⁷⁾ Декабриста Михаила Михайловича Нарышкина.

Волконская только что переѣхала, и г-жа Смоленникова¹⁾ возвращалась съ двумя дочерьми на паромѣ на этотъ берегъ. Обѣ дѣвицы были въ однихъ платьицахъ, и дождь нимало не смягчался. Тотчасъ начался перевозъ при помощи проворныхъ Бурятъ и продолжался часа съ полтора. — Пошли очень скоро.

Когда скрылась Чита, вскорѣ вышли на р. Ингоду, оставя за собою вправѣ Кинонское озеро. Виды прекрасны.

Остановились въ юртахъ при деревнѣ Черной (изъ 8 дворовъ, въ 20 верстахъ).

Для насъ назначалось 7 юртъ, 8-я для офицера. Для коменданта поотдалъ. Тайша его встрѣтилъ.

Нашу юрту посѣтилъ нашъ *le petit médecin* послѣ проводовъ н, слѣдовательно, очень вѣселъ. Онъ обращался съ своими увѣреньями къ Пушкину²⁾ и вообще надѣлъ порядочно, насильно надѣвъ ему на палецъ женино кольцо. Оно ему возвращено на другой день.

Какой прелестный сонъ послѣ чистаго воздуха, движенія и усталости!

Нарышкинъ, Пушкинъ, Лореръ³⁾, Оболенскій⁴⁾ и я составляли второе отдѣленіе и должны были становиться во второй юртѣ съ фланга.

10-е. Переходъ до станціи Домно-ключевской (20 верстъ, 13 дворов) сдѣлалъ очень легко. Близъ самаго станка въ топкомъ мѣстѣ встрѣтили насъ верхами посланные отъ Тайши Буряты и перевозили иныхъ на лошадяхъ. Вездѣ мостки: видна заботливость, чтобы не подмочили ногъ! Это насъ забавляло.

11-е число. — Дневка. Марья Николаевна⁵⁾ уѣхала впередъ. — Дождь.

Почувствовалъ ломоту въ ногахъ. Употребленіе медвѣжьего жира ее прекратило. На слѣдующій переходъ предварительно вымазалъ ноги жиромъ.

1) Фелидата Осиповна, жена обер-гиттен-фервальтера Семена Ивановича Смольянинова, горного начальника Нерчинскихъ Заводовъ; па одной изъ ихъ дочерей женился впоследствии декабристъ Д. Н. Завалишин.

2) Декабристу Ивану Ивановичу Пушкину.

3) Николай Ивановичъ Лорер, декабрист.

4) Евгений Петровичъ Оболенскій, декабрист.

5) Волконская.

Окружной начальник съ г. Смолениновымъ приходилъ въ нашъ лагерь прощаться съ знакомыми и раскланивался съ большими поклонами. НВ. Нашъ Вольфъ ¹⁾ пользовалъ его сына.

12-е. — Переходъ до станціи Шрихонской (? верстъ, 23 двора, 15 юртъ). По каменистой и трудной дорогѣ шли чрезъ Яблоновый хребетъ. На самой вершинѣ, у креста, сдѣлали привалъ. Дождикъ шолъ съ перемѣжкою, но когда спустились съ хребта, дождь прекратился. Получили газеты. Прочитавъ, что 18 іюня н. с. Гардемарины съ капитаномъ Литке ²⁾ были въ Копенгагенѣ, я чрезмѣрно обрадовался, будучи увѣренъ, что и мой Всеволодъ ³⁾ въ числѣ ихъ.

13-е. — Переходъ до деревни и станціи Шакшинской (15½ верстъ, 6 юртъ).

Погода порядочная, но дорога очень грязная. Любовались видомъ Шакшинскаго озера. Юрты свои нашли на сыромъ мѣстѣ, за то небо прояснилось и ночь была прекрасная.

Катерина Ивановна Трубецкая ⁴⁾ уѣхала вперед.

14-е. — Дневка. Чтеніе. Шашки.

15-е. — Переходъ до станціи Кондинской (32 версты, 15 юртъ). Не смотря на сильный холодный и противный ветеръ, неожиданно скоро сдѣлали этотъ большой переходъ съ однимъ только приваломъ.

Въ лѣвой рукѣ у насъ осталось озеро Иргень (мы его не видѣли), куда весною изъ Читы и другихъ мѣстъ ходятъ съ образами. Есть преданіе, что тутъ находятся мощи мучениковъ.

Легли спать при дождѣ, который скоро прекратился.

16-е августа. Дневка. Послѣ обѣда, заснувъ, увидѣлъ Полину весьма похудѣвшею. «Боже мой! какъ ты похудѣла!» сказалъ я. — И какъ ты исхудала! — отвѣчала она, — и я проснулся. Чрезъ полчаса принесли мнѣ письма, съ Юшневскою ⁵⁾ полученные и от 18 іюня съ почтою. Какое утѣшеніе!

¹⁾ Доктор-декабристъ Фердинандъ Богдановичъ Вольфъ.

²⁾ Федоръ Петровичъ Литке, известный морской путешественник, впоследствии Президентъ Академии Наукъ и графъ.

³⁾ Сынъ барона В. И. Штейнгейля — морской офицеръ.

⁴⁾ Жена декабриста Сергея Петровъ. Трубедкого, рожд. графиня Лаваль.

⁵⁾ Мария Казимировна Юшневская, рожд. Круликовская, жена декабриста.

«Ключи. Дневка 11-го Авг. 1830».

С рисунка сепией, принадлежавшего И. И. Пущину.

17-е. Переходъ до станціи Вершиноудинской (32 версты, 15 юртъ).

Выступили въ 7 часовъ и, не смотря на трудную, грязную дорогу и дождь, съ половины пошедшій, въ 4-мъ часу пришли на мѣсто. Я очень усталъ и прозябъ, но въ юртѣ въ первый разъ разложили огонь — и я отогрѣлся.

Какъ бы ни былъ утомителенъ переходъ, я всегда самъ вынимаю свои вещи изъ телѣги или арбы (что случится), вношу въ юрту на себѣ и улаживаю свое логовище и потомъ уже ложусь отдыхать. Немногіе охотно отказываются отъ услугъ.

18-е. — Газеты. Извѣстіе о смерти Англійскаго короля ¹⁾ и о бунтѣ Севастопольскомъ ²⁾.

Прекрасный вечеръ. Восхожденіе Марса. Кюхельбекер ³⁾ принимаетъ его за Венеру. Смѣхъ, шутки. Его до того привели въ замѣшательство, что онъ чуть не сожогъ юрты, разводя большой огонь и закрывъ сверху отверстіе для дыма.

19-е августа. Переходъ до зимовья Домнинскаго (21 верста, 8 юртъ).

День прекрасный. Дорога порядочная, сначала только нѣсколько грязная. Въ часъ пополудни мы были уже на мѣстѣ.

Узнавъ, что Зайсанъ въ свитѣ Тайши играетъ хорошо въ шахматы, Фонъ-Визинъ ⁴⁾ пригласилъ его на партію — и Зайсанъ одержалъ побѣду. Вообще, играетъ бѣгло и расчетисто. — Прекраснѣйшій вечеръ. Луна, Юпитеръ и Марсъ во всей красотѣ. Ходилъ до 10-ти часовъ и мечталъ. Ночь холодная.

20-е. — Переходъ до станціи Яравинской (10 верстъ и 15 юртъ).

Прекрасное утро. Шли скоро, и въ разговорахъ съ Ник. Бестужевымъ ⁵⁾, до 14-го касающихся ⁶⁾, не видалъ, какъ, прошедъ

¹⁾ Король Великобритани и Ганновера Георг IV.

²⁾ Это былъ «чумной» бунтъ въ Севастополѣ 31-го мая — 3-го июня 1830 г. Любопытный рассказъ о немъ протоіерея Севастопольскаго собора Софронія Гаврилова (прадеда, с материнской стороны, пишущаго эти строки) см. въ «Русск. Арх.» 1867 г., ст. 1375 — 1384.

³⁾ Декабристъ Михаилъ Карловичъ Кюхельбекер, братъ лицейскаго товарища Пушкина и М. И. Пущина.

⁴⁾ Декабристъ Михаилъ Александровичъ Фонвизинъ.

⁵⁾ Декабристъ-художникъ Николай Александровичъ Бестужевъ.

⁶⁾ Т.-е. до восстанія 14-го декабря 1825 г.

Березовую гриву, спустились на станцію. Вправѣ видѣли Яравинское озеро.

Отселѣ открытые виды. На степи сѣнокосы и пастбища. Повечеру дождь, но не надолго. — Шахматами съ Оболенскимъ скоротали вечеръ.

21-е августа. Переходъ въ село Уксерь (16 верстъ, 20 дворовъ). — Прохладный день. Шли по берегу большого Яравинскаго озера. Прошедъ 10 верстъ, сдѣлали приваль. Собирали на берегу сердолики. Не доходя до села, прошли чрезъ небольшой березовый лѣсъ и только что изъ него вышли, — открылось круглое, не весьма обширное Уксерское озеро, при которомъ и село съ каменною, но бѣдною церковью.

Вскорѣ Дружининъ ¹⁾ отправился на поселеніе и съ нимъ мой портретъ. — Были въ черной банѣ.

22-е. — Дневка. Прекраснѣйшій день. Вмѣсто церкви, нашъ le vieux ²⁾ поѣхалъ на охоту. Я читалъ Филиппа ³⁾.

Отъ Розена ⁴⁾, нашего хозяина, ѣхавшаго впередъ для заготовленія обѣда, узнали, что Марія Казиміровна Юшневская на слѣдующей станціи.

23-е. Переходъ до деревни Погромской (19 верстъ, 12 дворовъ). День ясный. Идти было даже жарко. — Большею частію открытыя мѣста.

Едва отобѣдали, пошелъ дождь съ градомъ, но не надолго. Ночью возобновился и не далъ спать. Въ трехъ верстахъ отъ деревни — минеральные ключи.

Видѣнъ домъ, отъ казны тамъ устроенный. Воды бываютъ дѣйствительны только весною. Вольфъ и Якушкинъ ⁵⁾ ходили туда.

¹⁾ Хрисанф Михайлович Дружинин, молодой портупей-прапорщик Оренбургскаго корпуса, пострадавшій по провокаціи Ипполита Завалишина и сосланный в Читу, откуда затем был переведен на поселеніе. Штейнгейль хорошо знал его и его судьбу по рассказу В. П. Колесникова, записанному им в 1835 г. и изданному впоследствии (новое изданіе — «Огней», 1914 г.).

²⁾ Комендантъ С. Р. Ленарскій.

³⁾ Вероятно — сочиненія англійскаго поэта Амвросія Филиппа (род. 1671, ум. 1749 г.).

⁴⁾ Барона Андрея Евгеньевича [Розена, декабриста, вскоре встрѣтившаго ехавшую к нему жену (см. ниже)].

⁵⁾ Декабрист Иван Дмитриевич Якушкинъ.

«Укиря. Дневка 22-го Августа 1830».
С рисунка сенией, принадлежавшего И. П. Пушину.

Узнали о приѣздѣ Анны Васильевны Розенъ ¹⁾.

24-е августа. — Переходъ до деревни Тайлудкой или Поперечной (29 верстъ, 10 дворовъ). — Прекрасный день. Вышли на Хоринскую степь, гдѣ замѣтно болѣе жизни. Прелестные виды. Вправѣ — кумирни.

Подходя къ станціи, прошли мимо полуразвалившагося уже памятника несчастной Агнессы Фед. Трескиной. — Какое для меня воспоминаніе! Какой урокъ ничтожества мірской суетности!.. Мѣсто такъ ровно и дорога такъ хороша, что трудно понять, какъ здѣсь могли разбить лошади ²⁾.

25-е. — Чрезъ Розена получилъ письмо Полины: сладостное утѣшеніе, но и то не вовсе безъ желчи. — Новости изъ письма къ Трубецкому — о происшествіи въ Московскомъ театрѣ ³⁾,

1) Жены декабриста; она была рожд. Малиновская.

2) Жена отрешенного от должности и преданного суду Иркутского губернатора Николая Ивановича Трескина (род. 1763 г., ум. 1842 г.), известного своим взяточничеством и другими преступленіями. Она была дочерью Московского почт-директора Ф. П. Ключарева (масона) — женщина умная и твердая, но распутная, нестерпимо тщеславная и тоже взяточница (см. в «Русск. Стар.» 1902 г., № 10, стр. 36 — 37). Когда сдѣлалось известно о смѣне генерал-губернатора И. П. Пестеля (покровителя Трескина) и о предстоящемъ прибытіи М. М. Сперанского, А. Ф. Трескина отправилась къ Погроминскимъ минеральнымъ водамъ, но в проездъ туда, на Тарбагатайской станціи, была убита понесшими ее с горы лошадьми. На месте, однако, былъ слухъ, будто бы, узнавъ о назначеніи новаго генерал-губернатора, она сама себя отравила и сопровождавшій ее придумалъ разогнать лошадей и опрокинуть экипажъ — уже с мертвою. (Бар. М. А. Корф, «Жизнь графа Сперанского», т. II, стр. 169; см. еще сборн. «В память графа М. М. Сперанского», С.-Пб. 1872 г., стр. 52, а также изданные нами Записки П. Т. Калашникова — «Русск. Стар.» 1905 г., июль, стр. 242 — 243, — который опровергаетъ слухъ о самоубійствѣ.

3) Траги-комическое происшествіе въ Московскомъ театре случилось еще в январѣ — февралѣ 1830 г. и состояло в томъ, что завсегдатаи частнаго французскаго театра Карцовой вступились за обиженную актрису и устроили в театре шум и скандалъ, на который обратилъ вниманіе самъ императоръ Николай I, предписавшій виновниковъ безпорядка посадить въ подѣлики и на гауптвахту. Это распоряженіе вызвало протестъ со стороны высшаго общества Москвы, — и дело дошло до того, что самъ императоръ счелъ необходимымъ приехать в Москву и успокоить разволновавшееся общество. Об этомъ эпизодѣ писалъ Пушкинъ князю П. А. Вяземскому 14-го марта 1830 г. из Москвы. Подробнее см. в очеркѣ Н. О. Лернера в «Литературныхъ и популярно-научныхъ приложенияхъ» «Нивы» 1914 г., № 8, стр. 587 — 600.

о разговорѣ Н [иколая] ¹⁾ съ его сестрою. — Взятіе Алжира ²⁾.

26-е. — Переходъ до деревни Грядецкой (22 версты, 10 дворовъ). Прекрасные открытые виды. По сторонамъ бурятскія стойбища. Скотъ, сѣнокосы. Замѣтны избы на русскую стать.

На привалѣ перегнала насъ Елизавета Петровна ³⁾. Она нездорова.

Въ 1-мъ часу мы были уже на мѣстѣ.

Вечеру ждалъ восхожденія луны. Оно было прелестно. Юпитеръ, Марсъ и луна составили великолѣпный аспектъ.

27-е августа. — Переходъ до деревни Онинскій боръ (26 верстъ, 14 дворовъ). День вѣтреный и холодный. Пошли въ половинѣ 8-го часа и въ 3-мъ часу пришли на ночлегъ. — Прекрасные виды. — До привала съ нами ѣхала мать Тайши съ его сыномъ. Когда мы остановились, — и она велѣла остановиться своей бричкѣ. Якубовичъ ⁴⁾ подошелъ къ ней производить ся и подарилъ ей нѣженки, а внуку удочки. Покойный мужъ ея былъ 7-го класса ⁵⁾. Она выѣзжала, чтобы видѣться съ генераломъ ⁶⁾; но кажется и мы не меньшимъ для нея были предметомъ любопытства.

Пришедъ на мѣсто, застали тутъ Марію Николаевну ⁷⁾ и Марію Казиміровну ⁸⁾. Я не успѣлъ видѣться съ нею. Часу въ пя-

¹⁾ Т.-е. императора Николая I, разговаривавшего в Москвѣ с сестрою декабриста С. П. Трубецкого — графиней Елизаветою Петровною Потемкиною, женою главнаго героя театральнаго «происшествія» — графа Сергея Павловича Потемкина, с которымъ она впоследствии разошлась и вышла замуж за сенатора Ипполита Ивановича Подчаского. О ней см. нашу заметку в журнале «Атеней» 1924 г., № 1 — 2, по поводу эпиграммы Пушкина с ее именем.

²⁾ Французскими войсками под начальствомъ генерала Бурмона — 5-го июля н. с. 1830 г.

³⁾ Жена декабриста М. М. Нарышкина, рожд. Коновницына.

⁴⁾ Декабрист Александр Иванович Якубовичъ.

⁵⁾ Т.-е. числился на государственной службѣ и состоял в чинѣ 7-го класса, т.-е. в чинѣ надворнаго советника.

⁶⁾ С. Р. Лепарскимъ.

⁷⁾ Волконскую.

⁸⁾ Юшневскую.

томъ прискакала и Анна Васильевна Розень — прямо въ объятія своего супруга. Трогательное свиданіе!

Неожиданно явился Смоляниновъ. Онъ ѣдетъ до Курбы, гдѣ открыть богатый приискъ мѣдной руды.

28-го августа. — Дневка. Хотѣли видѣть шамана; его вывели. Но какъ тутъ былъ Тайша самъ, то онъ, повидимому и не смѣлъ развернуться. Немножко поскакалъ, пропѣлъ менду, менду, постучали его ассистенты въ бубны, какъ въ лукошки, — и тѣмъ этотъ глупый фарсъ кончился. — Примѣтно, что Тайша смѣлся такъ, чтобы мы видѣли, что онъ шаманству не вѣритъ. Ламы вообще гонятъ шаманство, хотя сами не лучший свѣтъ разливаютъ въ народѣ, но просто выѣзжаютъ на невѣжествѣ.

29-е. — Переходъ на станцію Онинскую (12 верстъ, 15 юртъ). Прелестный день. — Пройдя боръ, увидѣли обширную долину и вправѣ гранитную гору. Тутъ и станція.

Розень передалъ мнѣ пріятное извѣстіе о семействѣ: получилъ письмо отъ 13 іюля.

Шаманъ предсказалъ, что изъ Удинска нѣкоторыхъ увезутъ въ Иркутскъ. Смѣялись и шутили.

30 августа. — Переходъ до станціи Кульской (18½ верстъ, 10 юртъ). При выступленіи съ Онинской станціи, переправлялись чрезъ р. Ону подъ наблюденіемъ самого коменданта, который между тѣмъ рассказывалъ на берегу Ник. Бестужеву, что въ девятидесятыхъ годахъ онъ такъ же велъ и переправлялъ чрезъ рѣки конфедератовъ. Это насъ позабавило дорогой. — На привалѣ любовался съ высоты прелестнымъ видомъ долины, горъ и нашего каравана.

Пришли рано въ свой таборъ. Получили газеты. Бурмонь¹⁾ — маршаломъ Франціи. Лестъ Булгарина²⁾ по случаю Петергофскаго праздника напомнила Булгарина 1825 года.

Противъ станціи, за р. Удой, видно подъ горою село Кула, въ которомъ погребена несчастная Трескина.

31-е. Дневка. Были въ хорошей банѣ у живущаго здѣсь зажиточнаго купца Лосева, котораго сынъ поставлялъ дорогою для насъ мясо. Le vieux уѣхалъ впередъ на Курбинскій перевозъ.

¹⁾ Запавший Алжир (см. выше).

²⁾ В его газете «Северная Пчела».

1-е сентября.—Переходъ до станціи Тарбагатайской (29 верстъ, 10 юртъ).—Перешли легко и скоро: въ 3 часа были уже на мѣстѣ. День былъ для ходьбы благопріятенъ. Виды также прелестны.

2-е сентября.—Переходъ до станціи Тынгира-Болдатская (23 версты, 15 юртъ).—Погода постоянно прекрасная. За 7 верстъ до станціи прошли известковую гору, гдѣ видны признаки альбаstra и мрамора. Шли большею частію близъ самой Уды, и станція на самомъ берегу.

3-е. Дневка. Занимался Филипсомъ.—Вечеръ прелестный. Восхожденіе Марса очаровательно: Ночь теплая. Видимое благодѣііе неба, когда люди такъ противъ насъ ожесточились.

Солдатка Бурлакова родила въ юртѣ сына; а нашимъ ¹⁾ надобно бабушекъ изъ Иркутска!

4-е. Переходъ до станціи Курбинской (24 версты, 15 юртъ). По столбамъ оказалось 26 верстъ. Разнообразіе видовъ: два раза проходили чрезъ сосновые боры. Влѣвъ Уда, картинно разлившаяся. Несколько озеръ. Тайша охотился во время нашего привала. Встрѣтили Шотландскаго Библейскаго миссіонера и Нерчинскаго начальника.

Въ 3-мъ часу пришли на мѣсто. Мнѣ вручили письмо отъ 16 іюля.—Непріятность отъ поступка Пущина, слѣдствіе близкаго столкновенія и тѣхъ отбѣнковъ характера, которые въ обыкновенной общественной жизни остаются обыкновенно непримѣтными.

Ночью сильный раскатъ грома разбудилъ меня.

5-е сентября.—Переходъ до Онинской станціи (30 верстъ, 15 юртъ).—Выступленіе началось переправою чрезъ р. Курбу. По столбамъ оказалось 34 версты, и хотя шли прямою дорогою чрезъ поёмныя мѣста, не могли придти прежде 6-го часа, сдѣлавъ два привала. Это былъ самый утомительный переходъ. На привалѣ читалъ газеты. Дѣло Моллера ²⁾ и сентенція за оскорбленіе особы ³⁾: новость; неизвѣстная въ царствованіе Александра. Тотъ обыкновенно спрашивалъ: А какъ онъ

¹⁾ Т.-е. женам декабристов—Волконской, Трубецкой и др.

²⁾ О деле отставнаго генерал-майора Моллера и о суде над ним см. «Московск. Вѣдом.» 1830 г., № 62, стр. 2775—2776.

³⁾ Т.-е. Николай I.

меня ругалъ? — и по точномъ отвѣтѣ объявлялъ свой приговоръ: простить!

6-е. Дневка. — Читалъ Берлинскія газеты. Пріятныя вѣсти о Боливарѣ ¹⁾. Сильный вѣтръ не далъ спать.

7-е сентября. — Переходъ до Креста или до Шевелевой заимки, въ 5-ти верстахъ отъ города Верхнеудинска (25 верстъ, 8 юртъ). — Сильный противный вѣтръ. Временно накрапывалъ дождикъ. Шли скоро, и вмѣсто 25 верстъ прошли по столбамъ 29, съ однимъ приваломъ, не долѣе какъ в 6 часовъ.

Изъ города пріѣзжали на дрожкахъ здѣшнія дамы — звать на насъ.

Прочли намъ словесное приказаніе коменданта, какъ идти завтра чрезъ городъ, т.-е., чтобы всѣ были при своихъ повозкахъ и не далѣе двухъ шаговъ, трубокъ-бы не курили и даже въ рукахъ чубуковъ не держали. Солдатамъ-же приказано не разговаривать и показывать свирѣпый видъ!

Намъ это дало случай позабавиться.

8-е. Переходъ чрезъ городъ Верхнеудинскъ до деревни Саентуевской (17 верстъ, 16 дворовъ). — Рано поднялись. Конвой въ парадѣ.

Передъ городомъ встрѣтила насъ полиція. Народъ толпился кучами по возвышеніямъ. На улицахъ не замѣтно было никого порядочныхъ. На лицахъ — одно глупое любопытство. Комендантъ стоялъ у мосту чрезъ р. Уду. По другую сторону рѣки, въ первомъ домѣ на лѣвой рукѣ, съ галереи смотрѣли нѣсколько дамъ и Верхнеудинскихъ денди.

Замѣчательнъ на правой рукѣ гранитный яръ, въ видѣ развалинъ.

Только что вышли изъ города, узнали, что Груша, дѣвушка Трубецкого, приказала долго жить. Худое или хорошее предвѣщаніе?

Имѣли привалъ. Шли чрезъ горы и любовались видами Селенги и самага города. Съ какимъ чувствомъ смотрѣлъ я, — и, можетъ быть, не одинъ я, — на даль, ведущую туда, гдѣ для меня все мое...

¹⁾ Южно-американскій политическій деятель Симон Боливар, основатель республики Колумбии, в январѣ 1830 г. вышедшій в отставку изъ президентовъ и в том же году умершій.

При входѣ на станцію, Розенъ встрѣтилъ меня картиною — подаркомъ отъ моей милой Юліи, а потомъ доставилъ мнѣ стараго пріятеля Эпиктета¹⁾.

9-е. На другой день холодная погода. Ночью вѣтръ.

Кончилъ Филиппа. Продолжалъ Misszellen.

10-е. Переходъ до Семейскаго зимовья по дорогѣ въ Тарбагатай (17 дворовъ, 17 верстъ). Выступили по вновь проложенной дорогѣ чрезъ хребетъ.

Проходили вновь выстроенную мельницу купца Пинаева. Комендантъ, ѣхавшій впередъ, насъ остановилъ, чтобы Ник. Бестужевъ далъ совѣтъ хозяину, какъ устроить плотину²⁾. Недалеко отъ мельницы прошли мимо пчельника купца Шевелева, который имъ перенесенъ съ рѣчки Березовки, гдѣ мѣсто оказалось невыгодно. Это первый еще опытъ въ Иркутской губерніи.

За высокимъ хребтомъ открылись хорошіе виды: всюду пашни по отлогостямъ горъ. Часу въ 3-мъ пришли въ деревню Пестереву, гдѣ семейскіе радушно насъ встрѣтили. Въ первый разъ остановились на квартирахъ, — у старожиловъ, однакожъ. Зимовье мы прошли. Здѣсь замѣтенъ зажиточный крестьянинъ Заиграевъ, занимающійся различными поставками для казны и, какъ водится здѣсь, порядочный сутяга!

11-е сентября. — Переходъ до села Тарбагатайскаго (15 верстъ, 120 дворовъ). — Очень скоро перешили, ибо оставалось не болѣе 6-ти верстъ. Квартира здѣсь досталась получше вчерашней: въ Пестеревой тараканы ужасно атаковали всю ночь.

Позволеніе ходить съ квартиры на квартиру отмѣнено по случаю пріѣзда фельдъегеря. Вскорѣ узнали, что онъ привезъ только письмо къ Марьѣ Николаевнѣ³⁾, вслѣдствіе ея просьбы о дозволеніи ѣхать съ мужемъ по случаю ея беременности. — Ходили въ баню. Имѣли покойную ночь.

12-е сентября. — Дневка. Посѣтилъ насъ Н. Н. Чебунинъ, здѣшній матодоръ, тесть Заиграева. Онъ особенно любопытенъ

¹⁾ Т.-е. сочинения философа-стоика Эпиктета.

²⁾ Николай Александрович Бестужев славился своими разнообразными сведениями в разных областях знаний, искусств и умений.

³⁾ Волконской.

былъ видѣть бывшаго князя Оболенскаго. Познакомился ближе другихъ съ Пушинымъ. Мнѣ разсказалъ, что имѣлъ дѣла отъ моего покойнаго свояка.

Я читалъ свои Misszellen.

13-е сентябрѣ. — Переходъ до селенія Десятникова (10 верстъ, 10 дворовъ).

Рано выступили и скоро перешли. Изъ боковыхъ деревень нарочно выѣзжали семейскіе съ бабами и дѣвами разодѣтыми — насъ посмотрѣть. Намъ досталась хорошая квартира у радушнаго хозяина.

Читалъ газеты. Важныя происшествія во Франціи ¹⁾.

Узнали, что фельдъегерь уѣхалъ обратно; но не слышно, чтобы онъ привезъ что-либо поважнѣе дозволенія Марьѣ Николаевнѣ видѣться дорогою съ мужемъ.

Сентябрѣ 14-е. Переходъ до селенія Барскаго (15 верстъ, 50 дворовъ). Послѣ скорого перехода получили предурную квартиру съ тараканами. Расположились въ юртѣ. Видѣли Марью Николаевну. Она пріѣхала показать полученное ею письмо, мало добраго обѣщающее.

Ночью на 16-е выпалъ снѣгъ. Дневали и скучали. Поутру выступили по дорогѣ къ Мухоръ-Шебигу до р. Тугнуи (22 версты, 15 юртъ). Судя по переходу, нѣтъ этого разстоянія. Тѣсная юрта. Каморникъ Дундукъ — опытный философъ и Далай — молодой Бурятъ, хорошо говорящій по-русски. Весь вечеръ протолковали съ ними. Я старался внушить имъ понятие о выгодѣ быть грамотнымъ. Далай восхищался и переводилъ Дундуку, который осклаблялся отъ удовольствія, слыша новыя для него истины.

Тугнуйская степь прекрасна. Не вдалекѣ видны кумирни.

Тайша главный можетъ сѣчь Тайшу здѣшняго, хотя онъ и въ классномъ чинѣ.

Сентябрѣ 17-е. Переходъ въ село Мухоръ-Шебигъ (13 верстъ, 150 дворовъ).

При встрѣчѣ болѣе любопытствующаго народа, нежели въ Удинскѣ, особливо женщины толпами ходили послѣ мимо оконъ, чтобы смотрѣть на насъ.

¹⁾ Передъ Июльскою революціею, известіе о которой декабристы вскоре встрѣтили радостными восклицаніями и ознаменовали пѣніемъ песенъ.

Тараканы не дали спать. Корыстолюбіе хозяевъ.

18-е. Перешли въ Харашибиръ (12 верстъ, 80 дворовъ). Разбросанная деревня потомковъ польскихъ переселенцевъ, въ которыхъ ничего почти не осталось народнаго, хотя и зовутъ ихъ хохлами.

Порядочная квартира.

19-е. Дневка. Первое извѣстіе о революціи Французской чрезъ коменданта.

20-е. Перешли въ село Хонхолой (17^{1/2} верстъ, 120 дворовъ). Порядочная квартира у кривой Пелагеи Ивановны, но только тараканы выжили меня на вышку. Возня хозяйки съ печкою разбудила меня рано. У Мишки ушли лошади.

21-е. Переходъ въ село Хараузъ (20 верстъ, 50 дворовъ). При выступленіи Фонъ-Визинъ сообщилъ подробности изъ газетъ объ абдикаціи ¹⁾ Карла X. Это извѣстіе всѣхъ оживило.

Народъ провожалъ насъ изъ селенія. Въ селѣ Никольскомъ, 7 верстъ не доходя до Харауза, улица покрыта была народомъ обоего пола, старыми и малыми, которые ожидали насъ съ самаго утра и проводили до загона. Буряты выѣзжали кавалькадами на дорогу.

Досталась дурная квартира. Читалъ газеты. Геморрой меня одолѣлъ.

22-е. Дневка. Екатерина Ивановна Трубецкая и Елизавета Петровна Нарышкина пріѣхали изъ Петровскаго встретить мужей.

23-е. Послѣдній переходъ до Балагинскаго Петровскаго завода (28 верстъ; всего отъ Читы 634^{1/2} в.).

Выступили въ 8-мъ часу. Я не могъ идти и сѣлъ на повозку Фонъ-Визина. Трубецкой сократилъ дорогу рассказомъ о подробностяхъ посѣщенія Москвы Николаемъ ²⁾ и о гоненіи на раскольниковъ.

Дорога вела въ междугоріе къ мрачной тюрьмѣ, но всѣ шли съ веселымъ духомъ.

Екатерина Ивановна, Алекс[андра] Иванов[на] Дав[ыдова] ³⁾ и Наталья Дмитриевна ⁴⁾ насъ обогнали.

¹⁾ Т.-е. об отречении от Французскаго престола.

²⁾ См. выше.

³⁾ Жена декабриста Василия Львовича Давыдова.

⁴⁾ Фонвизина, жена декабриста Михаила Александровича Фонвизина.

На половинѣ сделали привалъ.

Версты за полторы открылся мрачный Петровский заводъ, въ коемъ наша тюрьма отличалась красною крышею. Остановились, чтобы дать солдатамъ надѣть ранцы. Мы съ пригорка смотрѣли на нашу будущую обитель и — шутили!

При вступленіи въ заводъ я пошелъ пешкомъ.

Множество народа высыпало насъ смотрѣть. Насъ встрѣтилъ заводскій полиціймейстеръ и поѣхалъ впередъ. На заводскомъ мосту, подъ который надобно было проходить, стояло также множество зрителей, чиновницъ и чиновниковъ, съ любопытствомъ на насъ зѣвающихъ. У дома Алекс[андры] Григорьев[ны] ¹⁾ наши дамы вкупѣ ожидали своихъ мужей.

Весело вошедъ въ стѣны своей Бастиліи, бросились въ объятія товарищей, съ коими 48 дней были въ разлукѣ; ибо мы шли 46 дней, сдѣлали 31 переходъ и 15 было дневокъ.

Вскорѣ насъ размѣстили. Мнѣ достался в 3-мъ Отдѣленіи роковой 13-й №, между Пушинымъ и Оболенскимъ. Я вступилъ въ него, какъ въ преддверіе гроба; но сердце было спокойно, душа тверда.

Товарищи рассказали намъ, что имъ, по вступленіи сюда, читали правила о порядкѣ, какой впредь будетъ здѣсь наблюдаться, которыя возбудили между ними всеобщій хохотъ, и всѣ твердили: отъ запертія до отпертія, а потому, вѣроятно, намъ уже никакихъ правилъ не показывали. Не только мы, даже солдаты смѣялись тѣмъ наставленіямъ, которыя имъ читали на гауптвахтѣ; и здѣсь, какъ и во всей Россіи, предписанія въ раздорѣ съ исполненіемъ — были и будутъ.

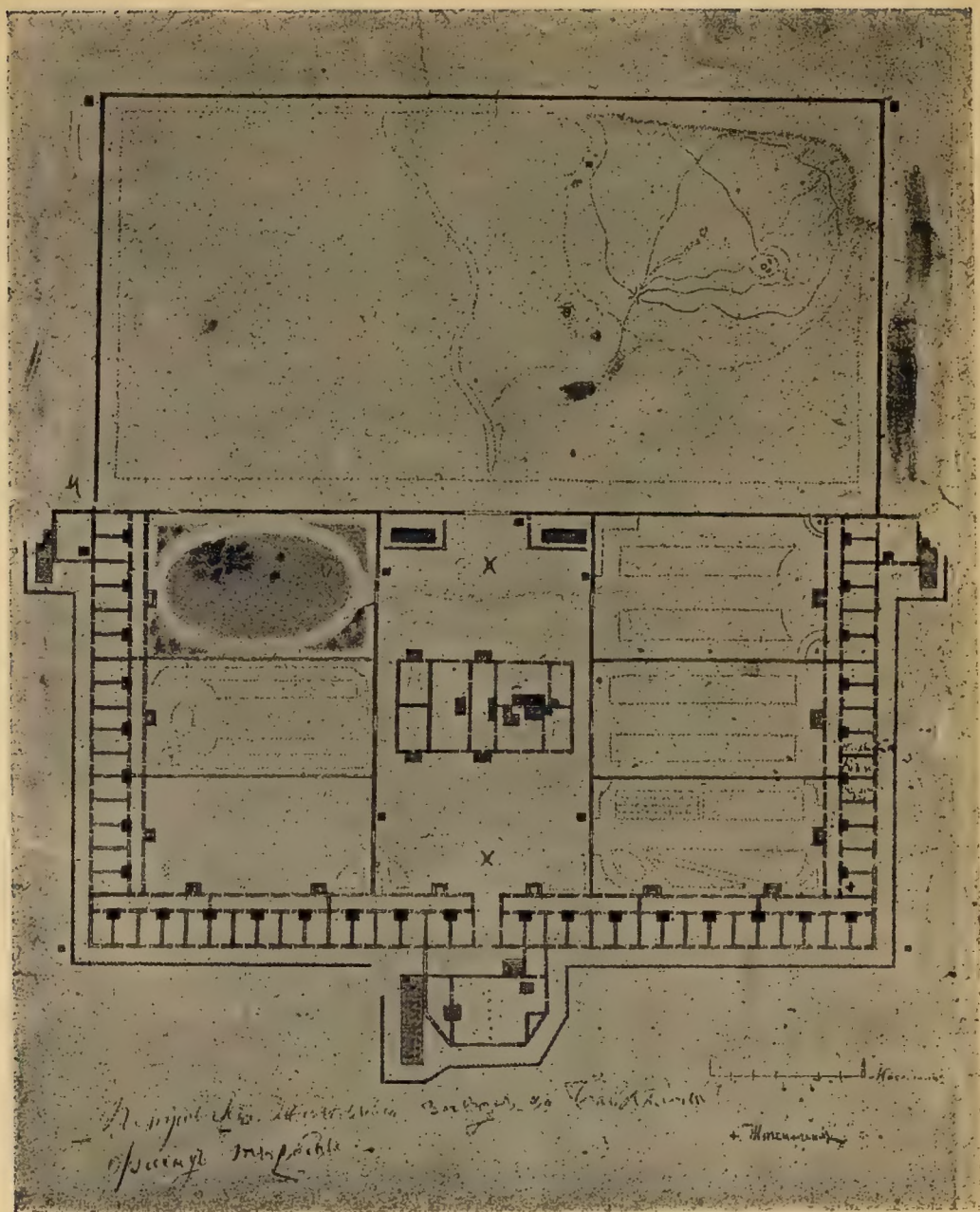
Во всякое Отдѣленіе дали по сторожу изъ солдатъ; къ намъ достался Лука Ивановъ Гуринъ.

Совершенно темные номера ²⁾, желѣзные запоры, четырехъ-саженный тынъ, не допускающій ничего видѣть, кромѣ неба, должны были ужаснуть cadaго; но, — таково следствие привычки, — мы были равнодушны ко всему. Я вспомнилъ Зайцовскаго ямщика, который въ 1819 году, подъезжая къ Бронни-

1) Муравьевой.

2) Лишь спустя некоторое время, по представлению С. Р. Лепарского, в камерах были проделаны небольшие окна.

цамъ, — на вопросъ мой: «Начинають-ли военно-поселенцы привыкать къ новой своей жизни?» — отвечалъ: «Да, батюшко, баринъ: велятъ, такъ и въ адѣ привыкнемъ!» — Какъ сильно и какъ справедливо! Я тогда не воображалъ, что опытомъ узнаю истину сей русской остроты. Могу-ли предузнать, что еще впередъ испытать предназначено? Но.... да будетъ воля Твоя!

«ПЕТРОВСКІЙ ЖЕЛѢЗНЫЙ ЗАВОДЪ ЗА БАЙКАЛОМЪ. ФАСАДЪ ТЮРЬМЫ».

Планъ, сообщенный М. П. Семеvскому М. А. Бестужевымъ в 1861 г.

